

POST SCRIPTUM

Блиц-интервью перед концертом

Подводить какие-либо итоги творческого пути Олега Погудина в любом случае преждевременно, но наметить – хотя бы пунктиром – черту определенного рубежа вполне допустимо. Молодой вокалист из Санкт-Петербурга, бесспорно, сложился как яркая творческая индивидуальность. Радость, прямо скажем, нечаянная по нашим нынешним эстрадным меркам.

Олег Погудин стал достойным лауреатом Царскосельской художественной премии 1999 года, полученной им в пушкинский год «за постижение души русского романса». А в начале 2003 года ему вручена молодежная премия «Триумф», одна из самых престижных в стране за последнее десятилетие.

Не только в России, но также в ближнем и дальнем зарубежье имя Погудина за довольно короткий период времени стало сопрягаться с возрождением живого интереса к национальному культурному наследию, в первую очередь к музыкально-лирическому и поэтическому.

По завершении наших бесед, – а может, лишь приостановив их на какое-то время, – перед очередным московским концертом Олега Погудина в Политехническом музее, мне удалось задать ему несколько вынужденно кратких вопросов. Благо, публика еще не заполнила зрительный зал, собираясь в фойе.

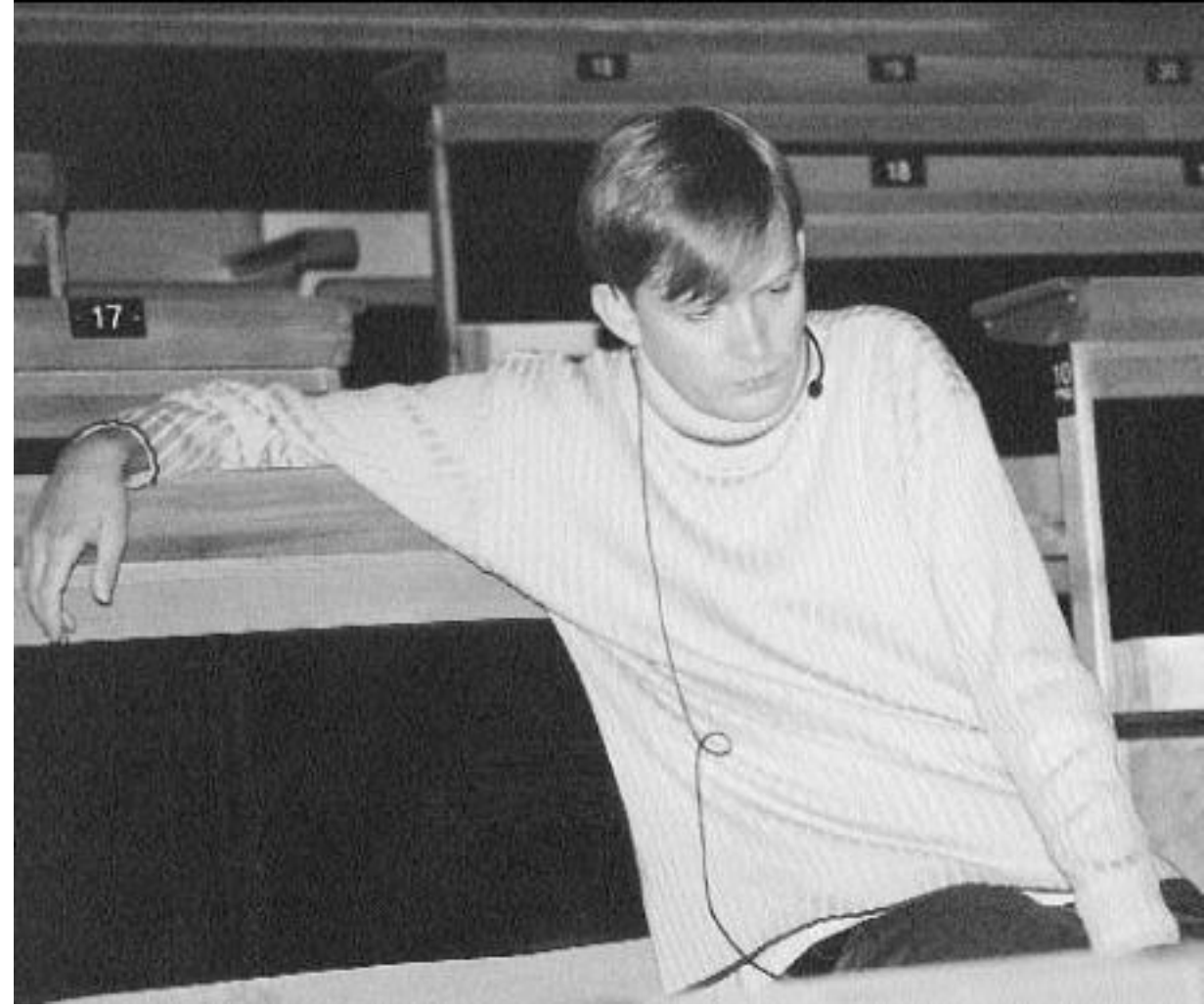
Олег, что на ваш взгляд, удалось осуществить за последние года четыре?

Было очень много концертов. Бесперывная концертная деятельность заполонила собою все. Несколько концертов прошли на очень серьезных площадках – в Большом концертном зале «Октябрьский» в Санкт-Петербурге, в Концертном зале имени П.И.Чайковского в Москве и в Большом зале Московской консерватории. Для меня они оказались качественно новой составляющей моей исполнительской деятельности. Раньше мне было привычнее выступать в аудиториях численностью до тысячи мест.

На иной уровень вышли зарубежные гастроли – из былого моего состояния free-lancer, свободного художника, они перешли в разряд профессиональный и более ответственный. Как, собственно, и в России.

Расширился и музыкальный состав. Прежде для меня был привычен музыкальный дуэт на сцене – с моим постоянным гитаристом Михаилом Радюкевичем или с пианистом Игорем Урьяшем. Теперь же в наших концертах чаще всего на сцене присутствует ансамбль. К постоянной гитаре добавились скрипка Алексея Баева, баян Юрия Молотилова и контрабас Романа Тентлера. По моему убеждению, это очень удачное сочетание, которое позволяет охватить едва ли не всю музыкальную палитру лирической песни за последние два столетия.

Благодаря этому оказалось возможным расширить репертуар. Составились новые программы «Советская лирическая песня» и «Французская песня». Правда, ни та, ни другая как самостоятельные циклы еще полностью не вынесены на сценические подмостки, но они уже сложились и вот-вот созреют.

Ну и, наконец, упрочилась, насколько могу судить, популярность. И, главное, без каких-либо рекламных мероприятий и «пиаровских», как ныне принято говорить, акций.

А что не удалось, Олег?

Не удалось?.. Не удалось основательно поработать над новыми записями. У меня сейчас даже какое-то трагическое ощущение этого. Есть огромный отлежавшийся материал, но физически нет времени для серьезной работы с ним. За эти три-четыре года довольно удачно все складывалось по части концертной деятельности. Но вот на подготовку записей времени не хватило. Правда, в свое оправдание скажу – все же достало ответственности не заниматься ими впопыхах.

Именно из-за этого заявленная мною серия записей классических романсов на стихи великих поэтов России под общим названием «Русскому гению» ощутимо застопорилась. Обстоятельства моей жизни последних лет меня от этой работы серьезно оторвали, проект в целом по разным причинам законсервировался, и я не могу не жалеть об этом. Но восстановить его мне необходимо, ведь я хочу этим заниматься и, если Бог даст, займусь в обозримом будущем.

Единственным отрадным для меня явлением стал выход в этой серии моего диска с песнями Булата Окуджавы «...Я клянусь, что это любовь была...».

И последний вопрос. А что, по-вашему, нельзя не сделать в ближайшее время?

Я знаю лишь то, что желательно сделать, как хотелось бы работать дальше. Скажу только, что в любых прогнозах стараюсь быть крайне осмотрительным. Во всяком случае, надо стремиться сохранять такое же отношение к делу и работе, какие есть. Если это останется, надеюсь, будут и какие-то свершения. Какие – не знаю. Приоритеты выставлять не берусь.

Для меня как для исполнителя самое главное – это то, чем я занимаюсь во время концерта. Каждый выход на сцену есть некий абсолют, движение к нему. Во всяком случае, желательно, чтобы именно так и было. Бывают порой ситуации, когда из-за усталости или из-за того, что не всякий раз появляешься на сцене в наилучшей физической форме, вдруг ощущаешь какую-то грань, за которой еще немножко и проступит один лишь накатанный профессионализм, некая наработанность манеры и стиля, без внутреннего озарения. Это очень опасно, и я, как только могу, стараюсь этого избегать. Возвращаясь же к вопросу о том, чего нельзя не сделать, отвечу лишь – что Бог даст сделать, то и будет.

Что ж, к этому, как говорится, добавить нечего. И, как сказал один из моих вгиковских учителей, известный историк-латинист и культуролог Георгий Степанович Кнабе: «Все ярко выраженное – хорошо». Хорошо уже само по себе.

Кстати, именно ему, Георгию Степановичу, чьи интересы простираются от Тацита до Булата Окуджавы, принадлежит очень емкий афоризм: «Окуджава – это сердечная мышца поколения».

Уже сама по себе метафора эта тяготеет к расширительности. И если опрокинуть ее в современность и сделать универсальной, то каждое поколение жи-

во некой духовной пульсацией той незримой мышцы, которая и определяет земное бытие.

Олегом Погудиным в его прямом сопряжении с традициями отечественной поэзии, высокой культурой русского романса, с песенным творчеством, в частности, Булата Окуджавы, в исполнении им произведений Исаака Шварца, нашего российского Нино Роты, сделана весомая заявка на то, чтобы стать для новых поколений духовным проводником между музыкально-песенным наследием прошлого и современностью. И молодой певец из Санкт-Петербурга вправе ее реализовать.

Попытка анализа

В ответ на заключительные слова героя наших бесед раздались аплодисменты зрительного зала, призывавшие исполнителя на сцену Политехнического.

Если судить по одной лишь Москве, хотя и другие города здесь бы не уступили, у певца Олега Погудина и его ансамбля сложилась постоянная зрительская аудитория.

«Его любят», – вынесла скупое, но веское заключение опытный администратор Политехнического музея Алла Андреевна Гирина. Этот прославленный зал был первым, кто предоставил свои подмостки Олегу Погудину.

Один из бывших руководителей былого «Меридиана» Майя Александровна Черемисина, которую часто выступавший у нее Натан Эйдельман иначе как «Майя Меридиановна» не называл, с первого же концерта была заворожена неоспоримым даром певца, его искренностью и исповедальностью, с какими он так органично выражал с подмостков вечные человеческие ценности. И она сделала все, что было в ее силах, чтобы молодого петербургского исполнителя узнали и оценили также и москвичи.

Холодок не верящей слезам Москвы, о которой впору было сказать стихом Галактиона Табидзе (обращенным, правда, к Тифлису): «Что ж, город мой милый, на ласку ты скуп?..» – этот ледок столичной спеси в отношении залетных чужаков был разбит концертами в Политехническом музее и в «Меридиане». Они были первыми, собравшими столичную аудиторию вокалиста из неевского града.

Олега Погудина действительно любят. Той самой любовью, которой не след пренебрегать.

И даже рискну сказать почему. Речь тут даже не об одних только вокальных или внешних данных исполнителя. Речь о другом.

В России не привыкать «бросить Пушкина... с Парохода современности». И не только прежним футуристам, но и разного рода «ничевокам», в том числе, постсоветской эпохи. Впрочем, негативизм в разных его формах и проявлениях свойствен не только нам одним. По меткому наблюдению романиста и просвещенного европейца русских корней Ромена Гари, люмпен-буржуазия, выйдя в дамки, всегда и везде низводит высокий романтизм до кича, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Низводит как бы до себя самой... Тогда как с настоящей, освященной традициями культурой дело обстоит куда как сложнее, чем простой арифметический счет на понижение.

Борис Пастернак, повествуя о наших соотечественниках, о тех, кто «посетил сей мир в его минуты роковые» в «Докторе Живаго» заметил: «Русская песня, как вода в запруде. Кажется, она остановилась и не движется. А на глубине она безостановочно вытекает из вешняков, и спокойствие ее поверхности обманчиво... У какого-то предела она вдруг сразу открывается и разом поражает нас...»

В этом и заключен скрытый, заветный ключ.

Постоянная аудитория Олега Погудина благодарна своему певцу прежде всего потому, что молодой исполнитель ценит и любит то, что было и остается любимым и дорогим для самих слушателей. На погудинских концертах едва ли не въяве ощутима генетическая связь нескольких поколений соотечественников. Ощутима вопреки той самой распавшейся связи времен, которая за послед-

ние годы устала уже воодушевлять современников. В очередной раз подтверждается истина о плодотворности традиции созидательной в противовес ниспровергающей. Со всеми мнимыми ценностями последней.

Здесь, пожалуй, стоит сделать одно теоретическое отступление.

Вернусь к упомянутой и лишь вскользь процитированной статье Михаила Бахтина «Смысловое целое героя», в которой сформулирована значимость не только индивидуального, но и хорового начала в искусстве. Как бы парадоксально это ни выглядело, но, по Бахтину, самое индивидуальное из видов творчества – лирическое – основывается именно на коллективном начале. «Лирика, – пишет теоретик, – это видение и слышание себя изнутри эмоциональными глазами и в эмоциональном голосе другого: я слышу себя в другом, с другими и для других. Лирическая самообъективация – это одержимость духом музыки, пропитанность и просквоженность им. Дух музыки, возможный хор – вот твердая и авторитетная позиция внутреннего, вне себя, авторства своей внутренней жизни».

В сформулированной Бахтиным внутренней диалектической связи между единичным голосом и хором, индивидуумом и коллективом, в их единении заложена основа творчества, поэтического или певческого. Голос певца – от Орфея до наших дней – бывает услышан и воспринят лишь тогда, когда есть кому услышать и воспринять. А значимость и ценность этого лирического голоса определяется внимающим ему хором, идет ли речь об участниках коллективного пения или о слушателях. То есть тогда, когда устанавливается та самая обратная творческая связь, которая является основой любого искусства, когда импульс созидания вызывает неподдельный отклик у зрителей.

В контексте наших бесед можно с убежденностью утверждать, что такая связь на концертах Олега Погудина достигается с первых же минут.

Исполнитель и его постоянный ансамбль одним уже творческим выбором материала и художественным решением возвращают своей аудитории сознание их причастности к тому – ахматовскому – бегу времени, из которого на последнем своем историческом вираже у нас вдруг оказались исключены люди старшего и среднего поколения.

Исключена, в частности, та самая техническая и творческая интеллигенция, которая треть века назад дискутировала в том же Политехническом, кто важнее – физики или лирики. А ныне, по меткому афоризму критика Сергея Чупринина, спор решился в пользу... бухгалтеров. Но вот сумеют ли последние (процитирую Генриха Бёлля) «сделать это государство страной, по которой можно будет тосковать как по родине и которая предстанет в литературе обителью человечности», – вопрос отнюдь не праздный. Боюсь, что художественными силами участников помянутых выше «Старых песен о главном» вопрос этот если и может быть решен, то лишь в поле отрицательных величин.

Пока же, на сегодняшний день, отвергнутая за ненадобностью интеллигенция, оказавшись, по меткой характеристике академика Г.С.Кнабе, «перевернутой страницей истории», имеет веские основания характеризовать себя словами того же Тимура Кибирова во всей их нескрываемой горечи:

*...Оцеплен наш бивак. И песня наша спета,
но ноты и слова запомнит кто-нибудь.
Чего ж тебе ещё? Ни одного куплета
нам больше не сложить, уж ты не обессудь.*

*Уж вечер. Уж звезда, как водится, с звездою
заводит разговор. Разверзла вечность зев,
Осталось нам прибрать весь мусор за собою
налить на посошок и повторить припев...*

Однако та самая интеллигенция, которая в новое время оказалась вдруг не у дел и не ко двору, сегодня вновь обретает чувство гармонии и внутреннего самоуважения на концертах Олега Погудина и его музыкантов.

И та же аудитория из Политехнического глубоко благодарна исполнителям за их высокий профессионализм и преданность своему ремеслу, за память и любовь.

Аплодисменты, раздававшиеся перед концертом в Политехническом музее, предназначались именно им – Олегу Погудину и его единомышленникам, – торопя их выйти на сцену.

Послесловие-напутствие

После того, как наши беседы с Олегом были в основном завершены, мне пришлось встретиться и общаться с композитором Исааком Шварцем. Случайно услышав от меня о замысле этой книги, Шварц при упоминании имени Олега Погудина буквально расцвел. В разговоре он не скупился на добрые слова в адрес исполнителя, которые ни на йоту не выглядели данью политкорректности. Слово нащупав благодатную струну, к теме Олега Погудина Шварц возвращался снова и снова, попросив меня передать певцу свою просьбу – включать в концерты его песни и романсы, какие он только захочет. К слову сказать, мало какой концерт исполнителя обходится без шварцевских мелодий, узнаваемых слушателем с первого же такта. Сам композитор пообещал сочинить специально для Олега Погудина музыку для нового романса.

В нашем разговоре Исаак Шварц признался, подчеркнув значительность данного факта, что был свидетелем того, как некая Прекрасная Дама почтила Олега Погудина. Вынеся в прежние годы много горького и несправедливого от властей и молвы, закалившись и выстояв в борьбе, она осталась независимой в собственных суждениях и поступках.

При таком своем реноме этой Прекрасной Даме остаться Незнакомкой, конечно же, не случилось. К тому же средства массовой информации данный факт, хоть и вскользь, но растиражировали. Речь, разумеется, шла о Галине Вишневской. Именно она в пушкинскую осень 1999 года, когда вручались царскосельские художественные премии, одной из которых был удостоен и Олег

Погудин, приветствовала молодого лауреата искренними, непротокольными словами. После исполнения им в заключительной части церемонии романса Галина Павловна отнюдь не формально и со всей сердечностью напутствовала Олега. Совершенно искренне порадовавшись столь справедливому выбору призера, Вишневская высказала свое отношение к Олегу Погудину, заявив, что для нее было огромным наслаждением его услышать и что он, несомненно, является уникальным явлением нынешней российской культуры. По словам Вишневской, Олег Погудин обладает ни с кем не сравнимой индивидуальной манерой исполнения. «Не утерять ее!» – напутствовала она в заключение молодого лауреата.

Слова Галины Вишневской, произнесенные в Царском Селе, нашли отклик и по соседству, в Красном Селе – в родных пенатах Олега Погудина, и в Санкт-Петербурге, который выпестовал яркую «звезду» современной российской эстрады. Свет этой «звезды» счастливо распространился по городам и весям страны и зарубежья.

Напутствие Вишневской могла бы охотно подхватить и благодарная публика Олега Погудина в концертных залах его обширных гастролей. Подхватить и преумножить, распространив на ближний погудинский круг музыкантов-единомышленников.

Действительно, вместе с вокалистом зрители успели полюбить и изящного, «как юный князь», скрипача Алексея Баева. Помимо его блестящего скрипичного исполнительства от внимания поклонников не ускользнула счастливая концертная находка, когда во время представления «Тбилисо», Баев подпевал Олегу Погудину на манер характерного грузинского двухголосья. Публика смогла полюбить и выглядящего добрым молодцем Юрия Молотилова –

какой праздник в России проходил без баяна и без всеми любимого баяниста со столь очевидным его шармом. А контрабас на концертах Олега Погудина со строгим и сдержанным контрабасистом Романом Тентлером структурирует всю инструментально-исполнительскую часть программы концертов, оказываясь уже неотъемлемой их частью.

Об издавна же любимом гитаристе-аккомпаниаторе Олега Погудина Михаиле Радюкевиче публика – в том числе и сольных концертов последнего – могла бы с полным основанием сказать цветаевской строфой:

*...На перине, на соломе,
Середь моря без весла, –
Ничего не читил, кроме
Струнного рукомесла...*

Ну, а виртуозность и артистизм Игоря Урьяша за роялем во время программ Олега Погудина с песнями Александра Вертинского концертная аудитория оценила давно. А теперь и по телевизионным трансляциям канала «Культура»...

Зрительская аудитория Олега Погудина со товарищи не только постоянна и стабильна, но она заметно расширяется. И, как это нередко случается, зачастую не может вместить всех желающих. Потому и остаются на широких российских просторах люди, которым пока ни разу не довелось побывать на его концертах, однако имя исполнителя им хорошо известно. Приведу лишь несколько примеров, чему сам был непосредственным свидетелем и за подлинность которых ручаюсь.

Моя родная и любимая тетка-певунья Нина Алексеевна Кузнецова из Астрахани никогда Олега не видела. Светлый человек, для кого чужие пороки никогда не были и быть не могли основой чьих-либо достоинств, тогда как сами достоинства оставались неоспоримыми... Гораздо раньше меня узнав и запомнив имя и фамилию Олега Погудин по не частым радиотрансляциям, она счастлива была поделиться «находкой» с родными и близкими. Какой же радостью стало для нее получить фотопортрет любимого певца с автографом и его кассеты с записями русских романсов и советских песен, с которыми прошла вся ее жизнь!

Снабженец и водитель Сергей Алексеевич Рябцев, возвращаясь из своих многочисленных командировок по стране, привез как-то приобретенные по случаю кассеты Олега Погудина, изрядно подивив этим выбором своих детей, выросших на иной музыке. И теперь в его доме – что в Череповце Вологодской области, – постоянно звучит Серебряный голос России, услаждая слух хозяина и его домашних.

Наталья Петровна Тепикина, «хозяйка» почтового отделения в подмосковных Белых Столбах, уже который год тщетно лелеет мечту попасть на концерт Олега Погудина в столицу, зная его голос лишь по трансляциям. Она не оставляет надежду, что мечта ее все же когда-нибудь осуществится вопреки житейским препонам и удаленности концертных залов от ее дома по Павелецкой железной дороге.

Наконец, кинооператор Игорь Яковлевич Скидан-Босин, снявший один из лучших анимационных фильмов «Сказка сказок», также по записям оценил не только чарующую красоту вокала Олега Погудина, но и интеллектуальный потенциал молодого исполнителя, особо выделив это не часто присущее публичным творцам свойство.

Всякий раз, когда человек впервые слышит Олега Погудина, происходит нечто такое, что противится четким, рациональным дефинициям, нечто неуловимое, но бесспорное. Примерно такое:

*Чурается поэзия листа –
Все в воздух норовит: струна, столбы...
Так, Феникс, будто жухлая листва,
Сгорит в огне предвестником судьбы*

*И дымом, ветром, прахом и золой
Начнет раскачивать тугую медь,
Избранниками метя выбор свой –
Тому-то петь, тому-то онеметь.*

Строки эти написались мною случайно, без какого-то внятного толчка, в самом начале 80-х. Но так уж выпало, что по времени своего возникновения они совпали с ленинградским дебютом мало кому тогда известного юного солиста.

В одном из первых печатных откликов на концерты певца в Санкт-Петербурге журналист Евгений Шведов подметил, что лицо Олега Погудина, его русость воскрешают в памяти героев Достоевского, любимых персонажей писателя. Если вместе с «клейкими листочками» и «русскими мальчиками» удачное сравнение продолжить, то в погудинском облике органично сочетаются и романтический лад Мечтателя из петербургских «Белых ночей», и высокий градус «исповеди горячего сердца» от взыскующих истины братьев Карамазовых. Тот градус, который и позволил Томасу Манну весомо назвать русскую литературу святой...

Подхватывая зоркое наблюдение Е.Шведова, в «Братьях Карамазовых» легко отыщешь характеристику брата Алеши, которую вправе переадресовать его современному питерскому собрату: «Вот, может быть, единственный человек в мире, которого оставьте вы вдруг одного и без денег на площади в миллион жителей города, и он ни за что не погибнет и не умрет с голоду и холоду, потому что его мигом накормят, мигом пристроят, а если не пристроят, то он сам мигом пристроится, и это не будет ему стоить никаких усилий и никакого унижения, а пристроившему его никакой тягости, а, может быть, напротив, почтут за удовольствие».

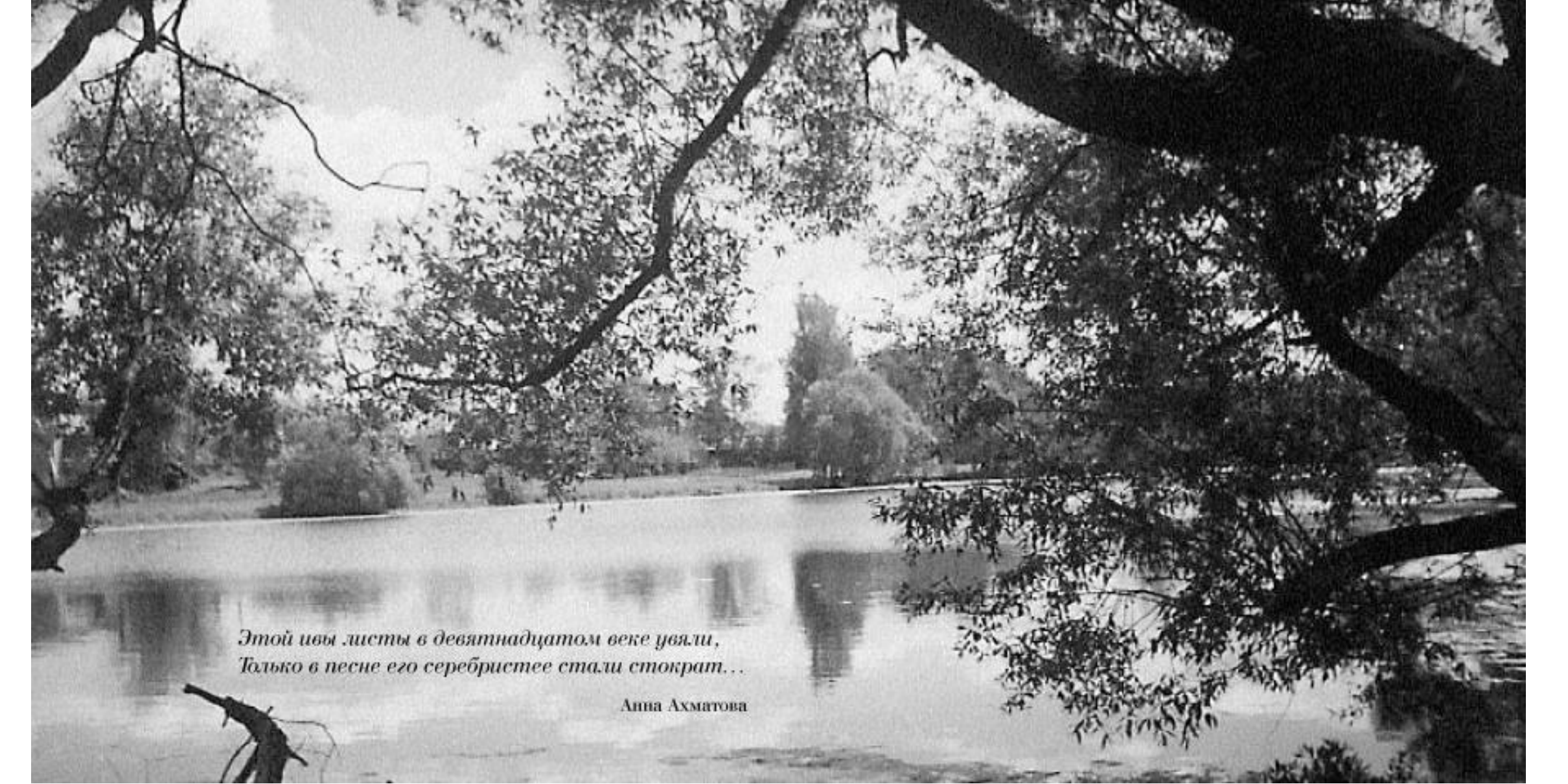
Эта генетическая связь оказалась счастливо подмеченной историком литературы и культурологии Мариэттой Омаровной Чудаковой: на очередных булгаковских чтениях в грибоедовской усадьбе Хмелита пару лет назад она обмолвилась про некое буквально антропологическое сродство выступавших там Олега Погудина и Михаила Радюкевича с духовной традицией отечественной словесности.

Эту связь могли бы подтвердить все, кому довелось слышать концерты Олега Погудина с его единомышленниками в Михайловском, в Ясной Поляне или Царском Селе, в муниципальном музее «Анна Ахматова. Серебряный век» в Санкт-Петербурге или государственном музее «Дом друзей Булата Окуджавы» в Переделкине под Москвой и в других литературных заповедниках страны.

Эта связь ощутима и благодарной публикой Олега Погудина, оценившей певца и его единомышленников по достоинству, по самой высокой шкале оценок – душой и сердцем.

И, оставаясь верной своему исполнителю и его аккомпаниаторам, эта публика могла бы пожелать своему кумиру, пожалуй, самого главного – долгой, счастливой творческой жизни.

Ведь в России, право слово, жить надо долго...

*Этой ивы листья в девятнадцатом веке увяли,
Только в песне его серебристее стали стократ...*

Анна Ахматова

ISBN 5-85200-178-3

9 785852 001788